

Сергей Елизаров

Гомельский государственный технический университет
имени П.О. Сухого

Гуманитарно-экономический факультет, Беларусь

Районные показательные процессы 1937–1938 гг. в Белорусской ССР: радикализация борьбы с должностными преступлениями

Rural show trials 1937-1938 in the Byelorussian SSR:
the radicalization of the combat against malfeasance

Okręgowe procesy pokazowe w latach 1937-1938
w Białoruskiej SRR: radykalizacja walki z nadużyciami

Аннотация: Статья посвящена проблеме борьбы с должностными преступлениями районного руководства БССР в 1937–1938 гг. как составной части массовых политических репрессий. Должностные преступления служили широко распространенным мотивом обвинений руководящих работников на районных показательных процессах 1937–1938 гг. Фигурантам районных процессов повсеместно предъявлялись обвинения в использовании служебного положения в личных целях, пьянстве, моральном разложении, кумовстве, растратах партийных и государственных средств. Факты подтверждают, что эти обвинения имели реальную (в отличие от обвинений в шпионаже, террористической деятельности, вредительстве ит.п.) основу. Использование служебного положения в личных целях действительно получило широкое распространение в практике работы районного руководства. Районные показательные процессы 1937–1938 гг. в Белорусской ССР можно рассматривать как радикальный способ преодоления феномена должностных преступлений в местных органах власти и управления, как «истерическую реакцию» на осознание принципиальной ложности предыдущей стратегии борьбы с должностными преступлениями, фактическим признанием, что их природа в разных социальных системах одна – возможность использования властных ресурсов для личного обогащения.

Ключевые слова: Белорусская ССР, должностные преступления, органы государственной власти и управления, районы, «Большой террор», районные показательные процессы

Abstract: The article is devoted to the issue of combating malfeasance of the rural leadership of the BSSR in 1937-1938 as part of the mass political repressions. Malfeasance served as a common motif indictments of executives at the rural show trials of 1937-1938. Against rural trials everywhere have faced charges of using his official position for personal gain, drunkenness, moral corruption, nepotism. embezzlement of party and state funds. Facts prove that these accusations were real (in contrast to accusations of spying, terrorist activities, sabotage, etc.) basis. Use of official position for personal gain really is widespread in the practice of the rural leadership. Rural show trials 1937-1938 in the Byelorussian SSR can be seen as a radical way to overcome the phenomenon of malfeasance in local authorities and the office as a "hysterical reaction" to awareness of the concept of the falsity of a previous strategy to deal with crimes, de facto recognition that their nature in different social systems, one is the ability to use power resources for personal enrichment.

Keywords: Byelorussian SSR, malfeasance, public authorities and management, "the Great terror", rural administrative district, rural show trials

Abstrakt: Artykuł poświęcony jest problemowi zwalczania nadużyć w sferze kierownictwa regionalnego BSSR w latach 1937-1938 jako nieodłącznej części masowych represji politycznych. Przestępstwa te stały się powszechnym motywem dla oskarżeń wyższych rangą urzędników w procesach pokazowych w latach 1937-1938. Osoby zaangażowane w okręgowe procesy były oskarżane o wykorzystywanie swojej oficjalnej pozycji dla osobistego zysku, pijaństwa, upadku moralnego, nepotyzmu, defraudacji partyjnych i państwowych funduszy. Fakty potwierdzają, że zarzuty te miały charakter rzeczywisty (w przeciwieństwie do szpiegostwa, działań terrorystycznych, sabotażu itp.). Wykorzystywanie oficjalnego stanowiska dla osobistych celów stało się powszechnym zjawiskiem w praktyce administracji okręgowej. Okręgowe procesy pokazowe w latach 1937-1938 w Białoruskiej SRR można postrzegać jako radykalny sposób zwalczania nadużyć w lokalnych władzach i administracji, jako "histeryczną reakcję" na uświadomienie pozorności poprzedniej strategii walki z podobnymi nadużyciami przynajmniej, że ich natura w różnych systemach społecznych jest jednakowa - możliwość wykorzystania władz w celu osobistego wzbogacenia.

Słowa kluczowe: Białoruska SRR, malwersacje, władza centralna i samorządowa, okręgi, „wielki terror”, procesy pokazowe w okręgach

Период массовых репрессий в СССР 1937–1938 гг., получивших название «большого террора» (Р. Конквест), в зарубежной историографии довоенного периода советской

истории является предметом самого пристального внимания. В западной советологии (Н. Верт, Дж. Гетти, Р. Мэннинг, Р. Конквест, Ш. Фицпатрик и др.) эти исследования идут в противоборстве двух школ – «тоталитарной» и «ревизионистской»¹. Значительный шаг вперед сделали и российские исследователи (Г.А. Бордюгов, А.В. Гордон, Э.В. Клопов, В.П. Данилов, Ю.Н. Жуков, В.А. Козлов, А.Б. Мозохин, И.В. Павлова, О.В. Хлевнюк и др.). Совместными усилиями издательства «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН) и Фонда Первого Президента России Б.Н. Ельцина издается серия „История сталинизма” из 52 томов, где наряду с работами российских исследователей представлен русскоязычный вариант монографий многих известных западных исследователей. В современной белорусской историографии изучение проблем «Большого террора» (как, впрочем, и в целом советской политической системы 1930-х гг.) пока представлено ограниченным числом работ, главным образом авторства В.И. Адамушко, М.П. Костюка, Т.С. Протьюко, И.Н. Кузнецова, И. Романовой.

Главное внимание исследователей обращено на политический аспект «большого террора»: «Большой террор» как кульминация чисток, проводимых в первую очередь в среде политических, экономических, военных и культурных элит; как процесс «самоуничтожения большевиков»; как выход на поверхность личных или бюрократических конфликтов центра и периферии². В этом ключе обычно рассматриваются и районные («провинциальные», «сельскохозяйственные») показательные процессы в англо-язычной историографии (Н. Верт, Дж. Гетти, Ш. Фицпатрик). На белорусской почве особого интереса заслуживает работа белорусского историка И. Романовой „«Лепельская справа»: 1937 год у Беларусі”, непосредственно посвященная организации и проведению таких процессов в БССР³.

¹ См. подробнее: В. И. Меньковский, К. Уль, М. А. Шабасова, *Советский Союз 1930-х гг. в англо-язычной историографии*, Сыктывкар 2013.

² Н. Верт, *Террор и беспорядок. Сталинизм как система*, Москва 2010, с. 235.

³ И. Раманова, «Лепельская справа»: 1937 год у Беларусі, “Беларусі гістарычны агляд”, т. 22, Сшытак 1–2 (42–43), 2015, с. 179–208.

При анализе районных показательных процессов 1937–1938 гг. неизбежно авторы касаются проблемы должностных преступлений, выступавших обязательным элементом обвинений. Однако сама тема борьбы с должностными преступлениями в работах историков фактически уходит на второй план, уступая место политической составляющей. В связи с этим в представленной статье автор попытался показать роль борьбы с преступлениями по должности районного советского руководства в организации и проведении местных показательных процессов.

Статья подготовлена на основе анализа как опубликованных работ, так и материалов Национального архива Республики Беларуси. Используются научные принципы историзма и системности, общенаучные и конкретно-исторические методы (историко-генетический, историко-сравнительный, историко-системный). Принцип историзма предполагает рассмотрение механизма борьбы с должностными преступлениями в контексте общих тенденций политического развития советского общества в 1930-х гг., реализации курса на форсированное строительство социализма в одной стране, осуществления массовых политических репрессий 1937–1938 гг. Системный подход реализуется через исследование процесса противодействия должностным преступлениям как составного элемента советской кадровой политики.

Правовую основу организации борьбы с должностными преступлениями в 1930-е гг. составлял Уголовный кодекс БССР (УК БССР) 1928 г. с дальнейшими его изменениями. Раздел 5 «Должностные преступления» содержал статьи 195–213⁴. Наиболее применявшимися в уголовной практике 1930-х гг. были ст. 196 (небрежное или недобросовестное отношение должностного лица к своим служебным обязанностям, волокита и протекционизм), 196 (злоупотребление властью или служебным положением), ст. 197 (превышение власти), ст. 204 (присвоение или растрата денег,

⁴ Уголовный кодекс Белорусской Советской Социалистической Республики, в: Уголовное законодательство СССР и союзных республик. Сборник (Основные законодательные акты), сост. Е.М. Ворожейкин, О.И. Гаццо, Е.Д. Даманина, Ю.Г. Трещетенков, О.Ф. Шишов, А.М. Яковлев; под ред. Д.С. Карев, Москва 1957, с. 154-157.

ценностей или иного имущества, находящегося по его службе в его ведении), ст. 205 (хищения). В УК БССР закреплялось разделение понятий «должностное преступление» и «должностной проступок». Все неправомерные действия должностного лица, которые носили систематический характер или совершались из корыстных или иных личных мотивов, либо имели особо тяжелые последствия, признавались должностными преступлениями, все иные – должностными проступками. Соответственно, степень наказания за должностные проступки была значительно ниже, чем за должностные преступления.

Под должностными лицами согласно УК БССР разумелись «лица, занимающие постоянные или временные должности в государственном, общественном или кооперативном учреждении или предприятии». В предшествовавшие «большому террору» 1930-е гг. борьба с должностными преступлениями проходила в русле кампании по укреплению «революционной законности» и носила характер уголовных преследований должностных лиц на основании соответствующих статей Уголовного Кодекса БССР 1928 г.

С 1937 г. борьба с должностными преступлениями становится составной частью системы массовых политических репрессий, являясь дополнительным (но далеко не основным) мотивом обвинений руководящих работников разного уровня. Если ранее причины должностных преступлений главным образом объяснялись недостатками «партийно-массовой и политико-воспитательной работы», отсутствием «живой ежедневной связи руководства с низовыми организациями», «недостаточным развитием критики и самокритики», то с 1937 г. на первый план выдвигается сознательная «контрреволюционная троцкистская» деятельность местных руководителей, целенаправленно проводивших в своих регионах «подрывную антисоветскую работу». Смещение акцентов очевидно: новая схема утверждала, что нарушения революционной законности уже не есть результат «частных недоработок» и «просчетов в идеологической и воспитательной работе», а являются результатом «широко спланированного врагами народа вредительства». И соотве-

тственно, с такими «врагами народа» необходимо бороться по-новому – уничтожать как самого опасного врага советской власти.

В 1937–1938 гг. в БССР (как и в целом в СССР) были организованы инспирированные высшим партийно-советским руководством СССР масштабные показательные процессы против районных руководителей, обвиняемых в проведении «вредительской контрреволюционной работы». Обстоятельный анализ этих процессов в БССР, основная часть из которых прошла осенью 1937 – зимой 1938 гг., дан в указанном выше, информационно насыщенном, тексте И. Романовой. В связи с этим в представленной здесь статье автор остановился лишь на некоторых моментах, связанных прежде всего с проблемой борьбы с должностными преступлениями. В белорусской историографии чаще всего приводятся цифры репрессированных в 1937–1938 гг. местных советских руководителей, взятые из известной докладной записки П.К. Пономаренко на имя секретаря ЦК ВКПб Г. Маленкова от 3 июля 1939 г.: снято с работы и арестованы во второй половине 1937 г. – начале 1938 г. около 50 председателей райисполкомов, еще больше – заведующих районными земельными и финансовыми отделами⁵.

На мой взгляд, цифра «около 50 председателей райисполкомов» требует уточнения. Вероятнее всего, она завышена и касается вообще снятых в 1937–1938 гг. с работы председателей райисполкомов, и была названа П.К. Пономаренко для доказательства как больших масштабов «вредительства» своих предшественников, так и проведенной им лично работы по «восстановлению революционной законности». Косвенным подтверждением этого являются данные, приведенные в марте 1940 г. секретарем ЦК КП(б)Б Г.М. Бойкачевым в справке «Воспитание, подбор и расстановка кадров»: 46,6% председателей райисполкомов и горсоветов, смещенных за 1937 г., и 20,4% – за 1938 г. При этом в качестве основной причины называлась не

⁵ Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ), ф. 4п., оп. 1, Д. 14689, л. 4. Докладная записка ЦК КП(б)Б в ЦК ВКП(б) от 3 июля 1939 г. о враждебной деятельности быв. руководителей ЦК КП(б)Б в проведении коллективизации сельского хозяйства и репрессиях против руководящего партийного и советского актива.

засоренность районного аппарата «вредителями и врагами народа», а переброска руководящих работников из одного района в другой («основная масса изменений произошла в результате несерьезного отношения к подбору председателей, ничем не оправданных перебросок с одной работы на другую»)⁶.

В 1937–1938 гг. фигурантам районных процессов повсеместно предъявлялись обвинения в использовании служебного положения в личных целях, пьянстве, моральном разложении, кумовстве, растратах партийных и государственных средств. Это должно было логично завершить облик обвиняемых: «враг народа, вредитель, троцкист и контрреволюционер-антисоветчик» не мог не быть «моральным отщепенцем», пьяницей и развратником. Такой обвиняемый должен был вызывать у населения чувство отвращения и презрения, что на деле и достигалось. В обвинительных материалах приводилось множество фактов организации партийными и советскими руководителями за счет партийных и государственных средств банкетов по поводу разнообразных праздников, слетов передовиков, конференций, собраний, по сути выливавшихся в масштабные пьянки, растраты партийных и государственных средств на личные цели (ремонт квартир, покупка ковров, одежды, продуктов питания, выдача праздничных наборов руководящим работникам и т. п.).

В качестве авторской ремарки: представляется излишне категоричным, с явным публицистическим пафосом утверждение И. Романовой, что «усе абвінавачанья, як сведчаць матэрыялы спраў, сапраўды былі вінаватыя ў прад’яўленых ім абвінавачаннях... Раённыя (як правила прыезжыя) сельсаветкія і калгасныя (часцей за ўсё мясцовыя) кіраўнікі паводзілі сябе як акупацыйная армія ў варожым стане»⁷. Сегодня известно, как органы НКВД массово фальсифицировали обвинения, используя пытки, провокации и шантаж, принимая содержащиеся в доносах сведения как истину, не утруждая себя поиском

⁶ НАРБ, ф. 4п., оп. 1, Д. 14375, л. 176. Документы о подборе, утверждении и работе с кадрами партийных, советских и хозяйственных органов БССР (отчеты, сведения, докладные записки, справки). 22 июля 1939 г. - 10 марта 1940 г.

⁷ Г. Раманова, «Лепельская справа»..., с. 192.

доказательств. В связи с этим считаю важным проявлять осторожность в отношении содержащихся в судебных материалах фактов обвинений руководителей, проходивших по этим процессам, а также огульно не распространять подобный стиль работы на всех местных руководителей.

Тем не менее сказанное вовсе не означает отрицание масштабности должностных преступлений как явления только по аналогии с признанием абсурдности и надуманности обвинений в шпионаже, диверсионной и контрреволюционной деятельности осужденных лиц. Можно утверждать, что использование служебного положения в личных целях действительно получило широкое распространение в практике работы районного руководства.

«Банкетная проблема» (фактически проблема пьянства среди руководящего районного и сельсоветовского партийно-советского аппарата) еще до 1937 г. рассматривались на всех уровнях власти от союзного до местного. О фактах систематического пьянства руководящих районных работников было известно и до процессов 1937–1938 гг. (за 1933 г. имеются такие сведения по Буда-Кошелевскому и Ельскому районам). Не случайно в 1935 г. проблема пьянства районного руководства стала предметом специального рассмотрения Бюро ЦК КП(б)Б. В марте 1935 г. Бюро обсуждало вопрос «О случаях расходования государственных средств не по назначению в Рогачевском районе». В этом районе для руководящего состава был организован «вечер с выпивкой», информация о котором дошла до республиканского руководства. В решении Бюро ЦК КП(б)Б указывалось всем секретарям горкомов и райкомов КП(б)Б на необходимость «обратить серьезное внимание на случаи расходования государственных средств не по назначению»⁸. Однако оказалось, что это был не единичный частный случай – на самом деле республиканская Партколлегия КПК (Партийная коллегия Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) по Белорусской ССР) фиксировала их множество, в результате чего

⁸ Государственный архив общественных объединений Гомельской области, ф. 265, оп. 4а, Д. 194, л. 86.

появилось новое постановление Бюро ЦК КП(б)Б от 11 мая 1935 г. «О банкетах»⁹. Тем не менее по самому тону этого документа (горкомы, райкомы и райисполкомы только «предупреждались» о необходимости сделать соответствующие выводы) заметно, что «банкетный вопрос» все же большой обеспокоенности не вызывал, а постановление Бюро играло скорее роль некоего ограничителя размахов и частоты проведения таких «банкетов», чем строгой преградой для их организации вообще. Кроме этого, о неоднократных случаях снятия с работы председателей сельсоветов БССР за пьянство сообщалось в докладной записке инструктора ЦИК СССР Ципина (1936 г.)¹⁰. Масса примеров «систематического пьянства за счет государственных средств» руководителей, обвиняемых в 1937–1938 гг., только лишь подтверждает распространенность подобного стиля поведения местных партийных и советских руководителей (вопрос может лишь стоять о масштабах этого явления, а не о его отсутствии).

В систему покрытия расходов на проведение таких банкетов (в том числе на дому у руководителей районов и округов), кроме официально выделенных средств на проведение различных официальных мероприятий (совещаний, пленумов, слетов передовиков производства и т. п.) включались: использование денег партийного и государственного бюджетов путем выделения материальной помощи лицам, передававшим впоследствии деньги организаторам этих мероприятий; использование средств предприятий, организаций, колхозов и совхозов; конфискация продуктов у единоличников, а также различного рода финансовые махинации (например, выплата денег за невыполненные работы). Нередко оставшаяся часть продуктов после завершения таких «банкетов» развозилась по домам районных руководителей.

Незаконные штрафы, аресты, изъятие имущества крестьян-единоличников, издевательства, избияния крестьян широко

⁹ *Ibidem*, л. 208.

¹⁰ НАРБ, ф. 4п., оп. 1, Д. 10808, л. 22–25. Постановления и повестки дня заседаний СНК БССР и Комиссии обороны при [СНК БССР], докладная записка инструктора ЦИК СССР в Союзный Совет ЦИК СССР от 28 марта 1936 г. об итогах проверки состояния кадров низового советского аппарата отдельных районов БССР. 1936 г.

практиковались местными руководителями всю первую половину 1930-х гг. В 1932–1936 гг. в ходе кампании за соблюдение «революционной законности» к уголовной ответственности за эти должностные преступления привлекалось ежегодно до 10% руководителей сельских Советов, действовавших при молчаливом согласии или прямой поддержке районного руководства. От местных властей требовалось обеспечить рост коллективизации и вовлечение единоличников в колхозы. Регулярно к политическим праздникам, избирательным кампаниям, партийным съездам и съездам Советов местные органы должны были отчитываться об успехах в этом деле перед республиканским руководством, а то, в свою очередь, перед союзным. Наиболее простым и понятным методом решения поставленных задач для большинства руководителей было применение принуждения и насилия. При этом единоличники рассматривались ими как элемент, враждебный социализму, и как враг, который должен был быть «разбит и уничтожен». Такое отношение к единоличнику ясно сформулировал секретарь Паричского РК КПБ С.И. Керженевич (в 1937 г. за это его обвинили в «контрреволюционной троцкистской работе»): «Единоличник – враг советской власти и его необходимо разгромить, иначе он не пойдет в колхоз...». Незаконные штрафы на единоличников он объяснял также просто и доходчиво: «Раз единоличное крестьянство уплачивает полностью налог, значит оно недообложено»¹¹. Многими руководителями налагаемые на колхозников штрафы рассматривались как эффективное средство заставить выходить на работу (или как наказание за плохую работу) в условиях, когда материальной заинтересованности не только хорошо, но и вообще работать в колхозном хозяйстве у крестьян не было.

Распространенность такой манеры поведения должностных лиц в первой половине 1930-х гг. приводила к тому, что любые, вплоть до самых нелепых, обвинения в отношении всех арестованных в 1937–1938 гг. руководящих работников воспринимались в массовом сознании, традиционно оценивавшем

¹¹ НАРБ, ф. 4п., оп. 1, Д. 11079, л. 14. Постановления бюро ЦК КП(б)Б. 23 сентября 1937 г. - 8 мая 1938 г.

государственных служащих в парадигме «добрый царь – злые чиновники», с доверием. И было уже не важно – совершал ли на деле эти поступки конкретный обвиняемый или нет. Уже в 1939 г. часть дел ранее осужденных руководителей была пересмотрена¹². Обвинения в шпионаже и контрреволюционной деятельности в отношении некоторых из них были сняты, но оставлены преступления по должности по ст. 196-1 УК БССР¹³.

Массовые районные процессы 1937–1938 гг. многие исследователи (Дж. Гетти, Н. Верт и др.) рассматривают как радикальную форму борьбы между московским центром и периферией, отражавшую стремления центра ликвидировать всякую автономию местных партийно-советских элит¹⁴. Действительно, с начала 1930-х гг. союзный центр стремился максимально ограничить сферу самостоятельности местных партийно-советских элит. Одновременно местные власти (прежде всего руководители возникших в 1920-е гг. крупных административно-хозяйственных областей) стремились сохранить свою автономию, достигнутую в период борьбы различных групп в высшем партийно-советском руководстве. Уверенность местных руководителей в праве по своему усмотрению интерпретировать законодательство и поступающие указания верхов, а также определять наиболее эффективный (по их мнению) набор средств для их выполнения, с начала 1930-х гг. стала подвергаться испытанию на прочность. С началом форсированного строительства социализма они находились в состоянии «перманентной неудовлетворенности» от двойственности позиции союзного руководства в вопросах методов и средств решения тех или иных стратегических и тактических задач. С одной стороны, от них требовалось безусловное выполнение всех поставленных верховной властью заданий любой ценой, с другой – соблюдение закона и советских демократических процедур. Соблюдение «революционной законности» зачастую приводило к невыполнению партийно-правительственных директив. Выполнение же в

¹² I. Раманава, *«Лепельская справа»...*, с. 205.

¹³ *Уголовный кодекс...*, с. 154.

¹⁴ Н. Верт, *Террор и беспорядок...*, с. 244., J. A. Getty, *Origins of the Great Purges: The Soviet Communist Party Reconsidered, 1933-1938*, Cambridge 1985, с. 196-199.

правовом поле этих директив было крайне затруднено, во-первых, правовым нигилизмом самих местных руководителей, отсутствием у них навыков такой работы, а также сопротивлением крестьянства экономическому разорению деревни в интересах города и форсированной индустриализации. И за невыполнение заданий, и за их выполнение с нарушением законов можно было подвергнуться наказаниям вплоть до привлечения к уголовной ответственности. Однако на практике чаще всего руководители несли ответственность по партийной и советской линии за срыв спущенных сверху директив, а не за использование незаконных методов, позволявших просто и быстро давать положительный результат. Поэтому нельзя не согласиться с утверждением И. Романовой, что «этая кампанія была таксама спробай утаймаваць бязмежнае насілле, што ахапіла вёску ў 1930-я г., устанавіць кантроль над мясцовай уладай»¹⁵.

Однако следует иметь в виду, что началось это вовсе не в 1937 г., а раньше, в 1932 г. Районные процессы 1937–1938 гг. следует рассматривать как закономерное продолжение (в иных, более широких масштабах, и иными, более жесткими и кровавыми методами) прежней линии борьбы с нарушениями «революционной законности», приведших (вполне по господствовавшей с первых дней советской власти логике «политической целесообразности») к новому витку нарушений закона, но уже теперь против руководящих работников. Судебные процессы 1932–1936 гг. главным образом затронули лишь руководителей сельских Советов, в то время как районный партийно-советский аппарат лишь изредка и по большей части опосредованно привлекался к ответственности. В районной верхушке окрепло чувство неприкосновенности и незаменимости. Новые процессы 1937–1938 гг. должны были четко показать, что требования центральной власти необходимо строго выполнять всем властным уровням, проявляя самостоятельность только в строго очерченных этой верховной властью рамках «политической целесообразности». Одновременно

¹⁵ И. Раманова, «Лепельская справа...», с. 207.

такие судебные процессы, по мнению западных советологов, должны были нанести окончательный удар по клановой системе в районном руководстве, которая никак не вписывалась в завершающую стадию формирования строго централизованной вертикальной схемы тотального соподчинения¹⁶.

При этом обычно ссылаются на материалы февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. Действительно, на нем говорилось об опасности существования местных партийно-советских кланов для функционирования всей тоталитарной системы. По убеждению И. Сталина «люди иногда подбираются не по политическому и деловому принципу, а с точки зрения личного знакомства, личной преданности, приятельских отношений...», таскают «за собой целую группу приятелей», получая таким образом «некоторую независимость от местных организаций, и, если хотите, некоторую независимость от ЦК. У него своя группа, у меня своя группа, они мне лично преданы»¹⁷. Реальность существования таких кланов на уровне руководства республик, краев и крупных административно-хозяйственных областей особого возражения не вызывает. Вместе с тем можно ли говорить о наличии в СССР к 1937 г. таких кланов (а не просто проявлений «семейственности») на уровне районов?

С одной стороны, существовавшая номенклатурная система с массовыми «перебросками» руководящих работников с места на место по вертикали и горизонтали, затрудняли формирование местных правящих партийно-советских и хозяйственных кланов, спаянных собственными интересами, личными связями и взаимными личными обязательствами. Так, в БССР за 1932 г. в 34 районах председатели райисполкомов сменились по одному разу, в 17 – по 2 раза, в 6 – по три, в одном – четыре раза. Лишь в 17 районах они работали с момента избирательной кампании 1931 г. Только за два месяца 1933 г. еще в 10 районах республики сменились председатели райисполкомов¹⁸. В результате проверки

¹⁶ Н. Верт, *Террор и беспорядок...*, с. 240, J. A. Getty, *Origins of the...*, с. 147-148.

¹⁷ *Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г.*, «Вопросы истории» 1995, № 12, с. 14.

¹⁸ НАРБ, ф. 4п., оп. 1, Д. 6147, л. 2-3, 34, 39. Сведения о численности и составе работников райисполкомов, сельских и местечковых Советов на 20 декабря 1932 г.

партдокументов к марту 1936 г. в БССР исключены из партии и сняты с работы 17% председателей, 14% заместителей, 22% секретарей райисполкомов¹⁹.

Однако с другой стороны именно номенклатурная практика и стимулировала клановость партийно-советского аппарата, являясь важнейшим средством закрепления в советской системе власти и управления клиентальных отношений. Назначение, смещение и перемещение людей на все более-менее важные должности в аппарате власти на практике шло абсолютно недемократическим путем, решаясь на заседаниях соответствующего ранга партийных комитетов при фактически решающем голосе первого лица в местной партийной иерархии. В результате создавался слой партийных и государственных чиновников, чья карьера зависела от отношения к ним того вышестоящего партийного руководства, чьей номенклатурой они являлись. Учитывая это, можно согласиться, что в БССР антиклановый компонент являлся одной из составляющей (хотя вряд ли решающей) районных показательных процессов 1937-1938 гг. Однако сами процессы могли лишь на время смягчить проблему, так как не затронули ее основу – номенклатурный принцип кадровой политики.

Таким образом, районные показательные процессы 1937-1938 гг. в БССР можно рассматривать как радикальный способ преодоления феномена должностных преступлений в местных органах власти и управления. Для первого десятилетия советской власти в официальной трактовке преступления по должности представлялись явлением не системным, присущим любому государству, а временным, связанным с начальным этапом строительства нового общества. В связи с этим сама борьба с ними в 1920-е гг. оценивалась прежде всего с точки зрения ее политических результатов – очищения советского аппарата управления от «классово-чуждых» элементов как носителей всего комплекса негативных черт служащего. Политические кампании по чистке в 1920-е гг. рассматривались в качестве универсального

и 1 марта 1933 г. сменяемости руководящих и ответственных работников райисполкомов на 1 марта 1933 г.

¹⁹ НАРБ, ф. 4п., оп. 1, Д. 10808, л. 25.

способа преодоления самих причин должностных преступлений, эффективной их профилактики, а также формирования нового, советского типа работника, свободного от всех пороков прежнего чиновничества и преданного делу строительства социализма.

Однако надежды на то, что с повышением жизненного уровня, заменой госслужащих из «бывших элементов старого режима» выходцами из рабочих и крестьян и ростом коммунистической сознательности всех слоев населения должностные преступления в недалеком будущем исчезнут сами собой, не оправдались. С началом 1930-х гг. борьба с преступлениями по должности приобретает все больше характер уголовных преследований. Процессы 1937–1938 гг. были своего рода «истерической реакцией» (по определению Дж. Гетти) на осознание принципиальной ложности предыдущей стратегии борьбы с должностными преступлениями, фактическим признанием, что их природа в разных социальных системах одна – возможность использования властных ресурсов для личного обогащения.

Библиография

- Адамушка В., *Палітычныя рэпрэсіі 20 - 50-х гадоў на Беларусі*, Мінск 1994.
- Бордюгов Г.А., Козлов В.А., *История и конъюнктура*, Москва 1992.
- Верт Н., *Террор и беспорядок. Сталинизм как система*, Москва 2010.
- Гордон Л.А., Клопов Э.В., *Что это было?: Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30-40-е годы*, Москва 1989.
- Государственный архив общественных объединений Гомельской области, ф. 265, оп. 4а, Д. 194.
- Жуков Ю.Н., *Настольная книга сталиниста*, Москва 2010.
- Жуков Ю.Н., *Гордиться, а не каяться! Правда о сталинской эпохе (сборник статей и интервью)*, Москва 2011.
- За рамками тоталитаризма. Сравнительные исследования сталинизма и нацизма*, под ред. Гейера М. и др., Москва 2011.
- Касцюк М., *Бальшавіцкая сістэма ўлады на Беларусі*, Мінск 2000.
- Конквест Р., *Большой террор. Книга 1*, пер. с англ. Л. Владимировой, Рига 1991.

- Кузнецов И.Н., *Конвейер смерти*, Минск 1999.
- Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г.*, «Вопросы истории» 1995, № 12.
- Меньковский В.И., Уль К., Шабасова М.А., *Советский Союз 1930-х гг. в англо-язычной историографии*, Сыктывкар 2013.
- Мозохин О.Б., *Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918-1953)*, Москва 2006.
- Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ), ф. 4п., оп. 1, Д. 10808. Постановления и повестки дня заседаний СНК БССР и Комиссии обороны при [СНК БССР], докладная записка инструктора ЦИК СССР в Союзный Совет ЦИК СССР от 28 марта 1936 г. об итогах проверки состояния кадров низового советского аппарата отдельных районов БССР. 1936 г.
- НАРБ, ф. 4п., оп. 1, Д. 11079. Постановления бюро ЦК КП(б)Б. 23 сентября 1937 г. - 8 мая 1938 г.
- НАРБ, ф. 4п., оп. 1, Д. 14375. Документы о подборе, утверждении и работе с кадрами партийных, советских и хозяйственных органов БССР (отчеты, сведения, докладные записки, справки). 22 июля 1939 г. - 10 марта 1940 г.
- НАРБ, ф. 4п., оп. 1, Д. 6147. Сведения о численности и составе работников райисполкомов, сельских и местечковых Советов на 20 декабря 1932 г. и 1 марта 1933 г., сменяемости руководящих и ответственных работников райисполкомов на 1 марта 1933 г.
- НАРБ, ф. 4п., оп. 1, Д. 14689. Докладная записка ЦК КП(б)Б в ЦК ВКП(б) от 3 июля 1939 г. о враждебной деятельности быв. руководителей ЦК КП(б)Б в проведении коллективизации сельского хозяйства и репрессиях против руководящего партийного и советского актива.
- Павлова И.В., *Механизм власти и строительство сталинского социализма*, Новосибирск 2001.
- Протьюко Т.С., *Становление советской тоталитарной системы в Беларуси (1917—1941 гг.)*, Минск 2002.
- Раманава І., *«Лепельская справа»: 1937 год у Беларусі*, «Беларусі гістарычны агляд», т. 22, Сшытак 1 - 2 (42-43), 2015.
- Хлевнюк О.В., *1937-й: Сталин, НКВД и советское общество*, Москва 1992.
- Хлевнюк О.В., *Сталин. Жизнь одного вождя: биография*, Москва 2015.

Уголовный кодекс Белорусской Советской Социалистической Республики, в: *Уголовное законодательство СССР и союзных республик. Сборник (Основные законодательные акты)*, сост.: Ворожейкин Е.М., Гаццо О.И., Даманина Е.Д., Трещетников Ю.Г., Шишов О.Ф., Яковлев А.М.; Под ред.: Карев Д.С., Москва 1957.

Фицпатрик Ш., *Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня [Текст]*, пер.с англ. Л.Ю. Пантиной, Москва 2001.

Getty J.A., *Origins of the Great Purges: The Soviet Communist Party Reconsidered, 1933-1938*. Cambridge 1985.

Stalinist Terror. New Perspectives, ed. by J.A. Getty and R. Manning, Cambridge 1993.